

ДЖЕРЕМИ КЛАРКСОН

Мир по Кларксону

Перевод с английского

Москва
2008

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

УДК 82-4
ББК 84(4Вел)
К47

Переводчик И. Мальцев

Редактор К. Олючая

Выпускающий редактор С. Кривошеин

Кларксон Дж.

К47 Мир по Кларксону / Джереми Кларксон ; Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2008. — XXX с.

ISBN 978-5-9614-0720-4

Джереми Кларксон (род. 1960) — самый скандальный, провокационный, неполиткорректный, циничный и брутальный журналист не только Британии, но и, возможно, всего мира. Кларксон снискал известность прежде всего как автомобильный журналист и ведущий программы Top Gear на канале BBC 2 (с недавних пор эта программа идет и в России). Тексты Кларкsona, искрящиеся остроумием и раздающие пощечины общественному вкусу, вызывают у читателей самые неоднозначные эмоции — от гневного возмущения до восхищения, граничащего с преклонением. Восхитительная колонка Кларкsona в Sunday Times — первое, что открывают утром большинство читателей газеты, желая узнать, кто в этот раз подаст на Кларкsona в суд. При всей эпатажности и нарочито вызывающем тоне слова журналиста имеют необычайно большой вес: его критического высказывания достаточно для банкротства целых предприятий, как это случилось, например, с английским автозаводом Vauxhall Vectra.

«Мир по Кларксону» — это сборник великолепных колонок этого автора, выходивших в Sunday Times в 2001 — 2003 годы.

УДК 82-4
ББК 84(4Вел)

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами без письменного разрешения владельца авторских прав.

«Альпина нон-фикшн» является подразделением ООО «Альпина Бизнес Букс»

© Jeremy Clarkson, 2004
© Издание на русском языке, перевод, оформление ООО «Альпина Бизнес Букс», 2008

ISBN 978-5-9614-0720-4 (рус.)
ISBN 978-0141-01789-1 (англ.)

[<< Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>](http://kniga.biz.ua)

СОДЕРЖАНИЕ

Еще один выходной? Не надо, пожалуйста, я устал отыхать
Меня убивают все эти разговоры про безопасность и здоровье
Мужчины вымирают, но не сдаются
На радио мы простим даже убийство
Велкам, но ахтунг! Австрийское гостеприимство
Белый дом уж больно маловат
Полет вокруг света, только мест в первом классе нету
Они пытаются замедлить пульс реальной жизни
Ничей живот не стоит того, чтобы класть на него свой алтарь
Ползучий пригород
Это самолет? Нет, это летающий овощ!
Завтрак чемпионов или собачья жратва
Дожди и бунты
Миллионера от нищего отделяет один шаг
Что нужно, чтобы нормально поесть?
Главное достижение цивилизации – газонокосилки
Приглашение, от которого хочется отказаться
Ошибки большие и малые
Америка побраталась с фатерляндом
Меня окружали хорошие люди. Все теснее сжимая кольцо...
Мои пожелания ЕС после брюссельских баталий
Уикенд в воровском городе Париже
Это произведение искусства, и его построили у вас на шее
Язык смерти в Стране Басков
Причина принимать ванну в плавательном бассейне
Терпением и горючим запасайтесь впрок
В отпуске мне не хватало привычного дурдома
Мы — властители океанов, затерявшиеся в своих владениях
Перестало нам даваться «большое и вечное»
Учитесь у детей и расслабляйтесь как на Ибице

По-любому переться к дантисту
Морская дуэль с самыми быстрыми переселенцами Запада
Судьи виновны, виновны, и еще раз виновны...
Чем больше нам говорят, тем меньше мы знаем
Без пиарщика я всего лишь еще один толстый мерзавец
Зачем спорить? Давайте решим вопрос кулаками
Говорю как отец, я никогда не буду матерью
Я всего лишь говорю о своем поколении, Бритни
Не грусти, ангелочек – побеждают только неудачники
Лиса-убийца заставила меня пристрелить Бэкхема
Новости с края Вселенной
Цирк лучше, чем «Большой брат»
Зануды приземляют Британию
Крикет — национальный вид спорта для бездельниковменило.
Есть ли новости... я просто еще один несостоявшийся Дейтон
Что может быть лучше для ребенка, чем остаться дома одному?
Иван Грозный был знатный тусовщик
Рембо за базар ответит
Цены упали? То ли еще будет!
Лотерея даст все, кроме удовольствия
Шаттл — баловство, но забронируйте мне билетик
Когда чипсам хана, я за фатерлянд
Спасите черепах: разместите рекламу на панцире
Дайте мне шанс продать вам Страффордшир
Быстро шоркнуться за новыми шторами королевы
Зачем отдыхать заграницей, если есть Эссекс
Галерей полно, но где искусство?
Атипичная пневмония? То ли еще будет
Мандела не заслужил места на пьедестале
В поисках потерянного времени, еще одного подбородка и жизни в це-
лом

В поисках настоящего сада на Шоу в Челси
Туда, где никто не ставит идиотских рекордов
Бекхэм выдохся, моя очередь рулить фанатами
Кто тут самые несчастные люди на Земле?
Гоблин-таун – куда ни кинь
Если бы мой сад мог расти так же хорошо, как и волосы у меня в ушах
Чувак, тебе нечего Б.О.Я.Т.Ь.С.Я. Кроме акронимов
Ночное красное небо, спутник Майкла Фиша в огне
Я предпогитаю марихуану и печенье так называемой настоящей жизни
Я побывал в раю... и мне было очень больно
Эврика! Я изобрел лекарство от науки
Почему в шортлисте Букера нет драматургии
Сувенирная лавка. Мне жаль тебя, Англия
Итон хуже школьных завтраков
Гигантский шаг назад для человечества
Восхитительный полет к национальному позору
Мирные игры в Ираке — игры без границ
Присяжные страшней преступников
Они пытаются подставить Кристин Скотт Данки
Лучший подарок мне на Рождество — запрет корпоративных вечеринок

Слово переводчика

Еще один выходной? Не надо, пожалуйста, я устал отдохать

Судя по опросу общественного мнения, большая часть народа, вернувшегося на работу после рождественских праздников, считает, что Англия должна последовать примеру Шотландии и сделать 2 января выходным днем.

Сдается, здесь есть две странности.

Первая — что кто-то вообще взял на себя труд проводить такой опрос, а вторая — что кто-то в здравом уме может решить, что рождественские каникулы слишком коротки.

У меня как-то раз случились десять дней отпуска, и в первое же утро к одиннадцати часам я уже выпил четырнадцать чашек кофе, прочел все газеты и *Guardian* и потом... и что потом?

К обеду мне стало так тошно, что я решил повесить пару картин. Нашел молоток... Потом пришлось вызывать штукатура, чтобы залатать дыры, которыми я уделал стену. Потом я попробовал починить электрические ворота гаража, которые срабатывают раз в год по обещанию. Выход с гаечным ключом опять же окончился вызовом мастера по сборке ворот.

Я нацелился на печку Aga, сломавшуюся в канун Рождства, но жена взяла меня под локоток и оттащила подальше, объяснив, что уважающий себя строитель не станет в выходные заниматься сочинительством, а раз так, то и писатель в выходные не должен заниматься не своим делом. И добавила, что это, во-первых, дорого, а во-вторых, опасно. Жена права.

У нас есть лампочки на потолке гостиной, на столе они должны отражаться в виде звезд, но свет падает как-то так, что звездного неба никогда не получалось, да и бог бы с ним, думал я всегда. Но когда вас сильно достало безделье, раздражает все.

Я купил клейкой ленты, и моя жизнь обрела цель. Мне было что делать.

Рождество наступило раньше, чем я успел нанести значительный ущерб собственному дому. Но потом каникулы продолжились, и я

снова смотрел на свой досуг, уставившись в бинокль не с той стороны. Каждое утро я мечтал о том, чтобы поскорее наступил вечер и я рухнул в постель и провалился в счастливое забытье.

Я протоптал тропинку на полу в своих бесконечных походах к ходильнику в бессмысленной надежде, вдруг там остались холодные сосиски, которые я не заметил в свои первые четыре тысячи заходов на кухню.

Потом мне вдруг приспичило купить кресло с банкеткой. Мы пришли в навороченный магазин домашнего барахла, где от запахов сухоцветов в корзинках щипало в глазах, и, хотя дети над нами нещадно потешались, купили искомое. Кресло оказалось слишком маленьким и совсем не того цвета, так что удалось убить еще немного времени, пока я его возвращал обратно в магазин. На следующий день, все еще одурманенный ароматами, которые под стать нижнему белью телеповара Делии Смит, я решил приобрести какой-нибудь дурацкий антикварный кабинет. Но тут уж жена сказала твердое «нет».

Стало ясно, что мне надо обзавестись какой-нибудь болезнью. Это хорошая мысль, если вас уже все достало, и любая хвороба (даже герпес) лучше этой зеленой тоски.

Довольно трудно на пустом месте подцепить парочку генитальных болячек, но, приложив некоторое усилие, можно обеспечить себе простуду, а если повезет, превратить ее в грипп. Правда, если вы лежите в койке и смотрите, как телеведущая Джуди Финнеган в костюме Санта-Клауса борется с раком, вам тоже не позавидуешь.

Скука заставляет звонить людям, с которыми вы не общались уже лет восемнадцать, и в середине беседы вы понимаете, почему именно вы не общались. Скука заставляет читать не только каталоги «товары — почтой», но даже и выпадающие из них реклами. Скука заставляет вас понять тех, кто берет ружье и палит из него по посетителям местного торгового центра. И вы знаете, где этот центр расположен.

Скука гонит заниматься гольфом.

За день до Рождества я ехал в поезде с парнем, который, не успев отъехать от Паддингтона, стал назанивать бывшей жене и рассказывать, что он наконец завязал с работой, вышел в отставку и теперь живет только для себя. Он пытался выглядеть бодрячком, говорил веселым тоном, но что-то в его глазах говорило об обратном.

Он проторчит месяц-другой дома, круша все, что попадется под руку, садик зарастет сорняками, потом его пригласят на партию в гольф, и это будет конец. Его жизнь закончится задолго до того, как он испустит дух. Жалко. Симпатичный малый.

Еще один выходной? Не надо, пожалуйста, я устал отдыхать

А рыбалка? Глядя на энтузиастов, мерзнувших на берегу канала в эту холодрыгу, вы ужасаетесь: неужели им настолько тошно, что лучше торчать тут, чем сидеть дома?

Подозреваю, что ответ будет расплывчат. «Ну... как вам сказать...» Через неделю я был готов бросаться на близких и в результате остался без сосисок. Потому что тайком от жены таки разобрал нашу печку. И все вообще посыпалось.

Самое странное, что, когда вам нечего делать, у вас абсолютно нет ни на что времени. Я написал письмо, и потом целого дня мне не хватило, чтобы найти конверт. И наверное, это что-нибудь да значит, если я восемь часов провел на унитазе в прошлый вторник. Кстати, такое же нормальное хобби, как любое другое.

Британцы работают больше, чем кто бы то ни было в Европе, и люди с озабоченными лицами пугают нас стрессами и болезнями сердца. Но дело вот в чем — без работы мы мрем как мухи.

Меня убивают все эти разговоры про безопасность и здоровье

Если вы помните, после железнодорожной катастрофы в Хат菲尔де в прошлом году наш зам премьера Прескотт ездил на место происшествия и с умным лицом потом вещал, что при большем усердии и лучшем финансировании таких ужасов не было бы.

Примерно такая же реакция последовала, когда выяснилось, что в этом году перед Рождеством количество пьяных водителей возросло на 0,1 процента. Всякая хиппицкая сволочь по радио втолковывала нам, что если бы полицейские получили право отстреливать водителей, а допустимый уровень алкоголя в крови уменьшился до минус восьми, то аварии на дорогах прекратились бы. Эти же люди уверяют, что мобильные телефоны варят нашим детям мозги, что длительные авиаперелеты приводят к тромбозу ног, а поедание мяса — это убийство. Они хотят, чтобы смертей вообще не было, и никак не унимаются. Они даже не понимают, почему люди должны страдать от мелких ушибов.

Каждую неделю на телевидении во время ток-шоу кто-то роняет еду на пол, и шоу останавливают, чтобы оператор не поскользнулся. А что будет, если он упадет? На это у меня есть ответ — он поднимется и пойдет работать.

Как любая большая компания, Би-би-си печется о здоровье каждого, кто ступил на ее территорию. Обязательны надписи и предупреждения, используется на площадке реальное стекло или пластик. Однажды перед съемками мне вручили буклет, где объяснялось, как пользоваться дверью. Я не шучу.

Можете представить, что я пережил на самих съемках, когда мне пришлось забраться в барокамеру, чтобы продемонстрировать, что произойдет, если на десятикилометровой высоте самолет разгерметизируется. Бедному продюсеру дали длиннющий список, где перечислялись все грядущие ужасы. Мои легкие взорвутся, и воздух, находящийся в костях скелета и кишках, увеличится в объеме в девять раз и послужит причиной страшной агонии. Но я этого уже не узнаю, потому что гипоксия превратит меня в овощ.

Я был готов рискнуть, но что толку? Моим бренным телом уже завладели представители Комиссии здравоохранения и безопасности. Они же не пустили меня в прошлом году лететь на американском военном вертолете только потому, что пилот не получил разрешения у Би-би-си.

Все знают, что американцам по закону запрещено разбивать собственные вертолеты. После чудовищного случая в 1993-м в Сомали, когда группу из шестнадцати человек отправили спасать двоих к тому моменту мертвцев, американское командование решило, что хватит смертей и что солдаты не должны умирать даже на войне.

Теперь эта чума перекинулась на Британию. Вы наверняка слышали, что окрик сержанта может повредить слух рядового. Недавно я был на базе королевского военно-воздушного флота в Хенлоу, и там господа из здравоохранения и безопасности увешали все плакатами, оповещающими, что алкоголь делает людей неуправляемыми и провоцирует агрессию.

Действительно, вот чего нам не хватало — неуправляемых и агрессивных пилотов.

Еще у нас есть эскадра подводных атомных лодок, которые несут круглосуточную вахту. Так я думаю, что их поставят на прикол — или что они там делают обычно с лодками, — потому что они слишком опасные.

Теперь внимание господ из здравоохранения привлекли противотанковые снаряды с обедненным ураном, способные пробить броню любого танка. Комиссии эти снаряды не понравились — мол, могут кого-нибудь случайно убить.

Намедни по телевизору бывшие солдаты из косовских миротворцев говорили, что всего-то пару раз пальнули, а рак тут как тут. Мои глубокие соболезнования, но давайте посмотрим в лицо фактам.

Единственный способ проникновения обедненного урана сквозь кожу — прямое попадание пули, сделанной из урана. Он может попасть в организм через легкие, но, учитывая, что он на сорок процентов менее радиоактивен, чем урановая руда, сомневаюсь в его смертности. Я недавно был на урановом руднике в Западной Австралии, но вторая голова у меня так и не отросла.

Странно, что Минобороны проверило только тех солдат, которые были в Косово, и проигнорировало тех, кто воевал в Персидском заливе, где было выпущено 300 тонн обедненного урана и альфаизлучение дольше делало свое дело. Если таки выяснится, что, не дай бог, кто-то из солдат умер от радиации, значит, наши ракеты работали не на НАТО, а против.

Мир по Кларксону

Американские летчики угрожали так называемым «дружественным огнем» семерых британских солдат в заливе, однако Минздрав не удосужился выпустить директиву о недопущении американцев на поля сражений.

Нас пугают глобальным потеплением и озоновыми дырами. Но меня больше страшат те люди, чье ремесло — защищать наше здоровье.

Мужчины безнадежны, и я горжусь этим

Я мужчина и ни за что не стану спрашивать прохожих, как проехать в библиотеку. Кого тут спрашивать, если я все равно умнее? Ведь я сижу в теплой машине, а эти идиоты ходят пешком.

Хотя иногда в маленьких городишках, где местный совет позволил малолетним недоумкам (явно из вспомогательных школ) разработать систему одностороннего движения, я сдаюсь и позорно уточняю, как ехать дальше. И чувствую себя предателем всего мужского рода.

Связываться с «языком» — напрасная трата времени. Если ответ начинается с «э-э-э...», значит, он не знает ответа и не в курсе, поворачивать вам от химчистки вправо или влево. Имейте в виду, если в ответ на прямой вопрос вам начинают мялить или делать задумчивое лицо, сматывайтесь.

Некоторые начинают активно жестикулировать, как регулировщик во время военно-спортивных игр — одна рука на север, другая на восток, вот там стоят кудрявые деревья, направление на девять часов.

Но это тоже не поможет, потому что вы его не слышите. Человек слышит только первую фразу, после которой его внимание отвлекается. Римляне, завоевав Англию, поехали на родину праздновать это событие. Обратная дорога заняла у них восемьдесят лет. Почему? Да потому что они спросили, в какую сторону им идти, у французов. Но недослушали ответ.

В конце XIII века Эдуард Первый, прозванный Длинноногим, отправлял женщин охранять границы королевства вместе с армией. Поэтому что в отличие от мужчины женщина усваивает больше одной фразы за раз. Я-то понимаю, почему он так делал. Ведь если бы он слушал своих рыцарей, то закончил бы кампанию в Фалмуте (Корнуолл) вместо Фалкирка (Шотландия).

Вот и я на прошлой неделе послушался не голоса разума, а местного спеца на Тоттнем-Корт-роуд¹ и вместо нужного мне магазина

¹Улица в центральной части Лондона; известна своими магазинами по продаже радиотелевизионной и акустической аппаратуры.

оказался в святилище современного культа компьютеров Computers 'R' Us.

Я не послушал также внутреннего голоса, шепчущего, что пора сваливать отсюда, я даже не слышал человека, который объяснял мне что-то про один из ноутбуков Sony, в названии которого (на букву V) такое количество гласных, что произнести их совершенно невозможно. Что-то вроде воя голодной кошки — вот такое было название.

Ладно, не беспокойтесь, я не собираюсь тут писать про то, что ни черта не понимаю в компьютерах и хотел бы вернуться в районную газету в то время, когда мы тюкали по клавишам раздолбанного «ремингтона». Такое может написать каждый.

Я очень люблю компьютеры, умею посыпать мейлы, писать заметки и даже могу по поиску найти трансвеститов в Таиланде. Да, я не знаю о компах столько же, сколько знают те, кто работает или просто околачивается в компьютерных магазинах. Потому что тогда мой мозг бы просто закипел.

Вот если вам предлагают Windows 2000 или 98, то вы автоматом западаете на большую цифру. Но продавец посоветовал мне купить Windows 98, сэкономив таким образом деньги. Когда я спросил его почему, он зачем-то начал рассказывать мне про своего ньюфаундлендского терпера. Разумеется, я слушал, но не слышал.

Единственное, чего я хотел, — это посыпать мейлы через сотовый телефон, и потому спросил: «Могу я подключить это к мобильнику?» Он протянул «н-ну...», а далее понес что-то такое... С тем же успехом он мог мне описывать процесс приготовления лукового соуса грэйви в непальских горах.

Короче, я все это купил... но мне кажется, что оно уже не работает. Каждый раз, когда я отключаюсь от Интернета, машина вырубается, отсылая все, что я написал за день, в виртуальную бездну.

Очевидно, мне бы следовало отнести компьютер обратно в магазин, но если они узнают, что я занимался поиском тайских трансвеститов, мне будет немного неудобно. Кроме того, я не помню адрес. И будь я проклят, если кого-нибудь спрошу, как туда проехать!

Можно позвонить приятелю, но в лом, ведь я мужчина, то есть Это в чистом виде, покрытое тонкой оболочкой из кожи. Если приятель сумеет решить мою проблему — это будет еще один удар по моему мужскому самолюбию. А если нет, зачем звонить?

Женщина в такой ситуации взяла бы в руки инструкцию. Но между мужчиной и женщиной есть огромная разница. Она касается не потребности в ласке после секса, слабой ориентации в пространстве или

Мужчины безнадежны, и я горжусь этим

странный логики мышления. Она в том, что даже самая мужиковатая баба на свете, будь это сама Тэтчер, будет часами лежать с инструкцией к новому видеомагнитофону, но запишет нужную телепередачу в нужное время.

Я? А что я? Я буду тыкать в кнопки, зная, что по-любому видак включится и запишет... ну не в этот вторник, так в другой, и вообще сам найдет что-нибудь получше.

Это работает, когда играешь в настольные игры. Никогда не читал правил игры в «Монополию», я просто делал то, что казалось мне более осмысленным в данный момент. Если кто-то говорил, что надо двигаться в другом направлении, я отвечал ему долгим тяжелым взглядом. Это работает. Я всегда выигрываю.

По радио мы простим даже убийство

Есть что-то ненормальное в том, что новостные выпуски становятся неожиданностью для их создателей. но мне сдается, что канал независимой службы новостей (ITN) положил на лопатки BBC в ежедневной Битве десятичасовых новостей.

BBC потом говорила, что у нее в новостях вдвое больше сюжетов и вдвое больше зарубежных собкоров. И живые включения тоже были, а телеканал ITV затянул своего «Милионера» на две минуты и начал новости без перерыва на рекламу. И что, дескать, они даже привлекли галантного сэра Тревора Макдональда, первого британского чернокожего новостника, чтобы дважды объявить скорый выход супервыпуска новостей.

Рейтинговая возня уж больно нечистоплотна и смертельно надоела. Раньше программы составлялись так, что после передачи на ITV вы могли без потерь переключиться на другой канал.

А теперь посмотрите на расписание. Передачи идут практически одновременно. Если вы досмотрели сериал на одном канале до конца, то точно пропустите сводку новостей про взрывы и зажигательную погоню за преступником на машинах.

Я-то понимаю, почему так происходит. Когда я работал над передачей TopGear, не имело значения, стоит наш «феррари» на овечьем пастбище или гонит со свистом по взлетной полосе. Рейтинг не менялся.

Но если программа запаздывала и другие каналы успевали в полдевятого уже вовсю запустить свои шоу и фильмы, то мы теряли до миллиона человек нашей аудитории.

Самое смешное, что такое контрпрограммирование не работает на радио.

Вот моя жена слушает Radio 4. Там могут давать двухчасовую сводку погоды, и она все равно не переключает канал. При этом я прекрасно знаю, что она ни черта не понимает (впрочем, как и вся остальная страна), о чем говорит Мэлвин Брэгг в передаче «Наши времена», но каждое утро по четвергам квартиру сотрясают звуки голосов его дурацких гостей.

В 10:25 каждый день я напоминаю, что по Radio 2 идет отличный конкурс Кена Брюса про ее любимую поп-музыку, но по каким-то не-постижимым причинам жена продолжает слушать станцию, где рассказывают о погоде в Северном море.

Я-то тоже не лучше. Если меня оставить дома одного, то день начнется с шоу-побудки Терри Богана, который на прошлой неделе вбил себе в голову, что все китайцы пахнут брюссельской капустой. Потом я отгадываю ответы в поп-рок-угадайке Кена, а потом за ней идет шоу Джимми Олда. Тут уж приходится звук прибрать, потому что Олд бомбардирует слушателя звуками биг-бендов, чего я на дух не переношу, а также разговорами про цену на рыбу. А потом ему звонят и цитируют передовицы из *Daily Telegraph*. Это не мое. Но постойте — я же все равно сижу как пришитый и слушаю, успокаивая себя мыслью, что через два часа начнутся лирические песенки Стива Райта.

Почему я так поступаю? По телевизору достаточно увидеть полосатый пиджак, услышать бирмингемский акцент или начальные такты заставки к сериалу *East-Enders*, чтобы моментально переключить кнопку на пульте. Но зато с потрясающей лояльностью к бренду (которая заставила бы Marks & Spencer замариновать меня в рассоле) я еду в машине и час за часом слушаю передачу Олда, в которой миссис Наци-из-Эшера вещает о том, что хорошо бы поставить к стенке всех, кто ищет у нас политического убежища.

Конечно, есть выбор. Radio 1 отпадает, оно для любителей слушать, как ломают мебель. Радио 3 не транслирует ничего, кроме скучной измученных зверушек. Есть и местное радио. Вот в Лондоне Magic FM не транслирует ничего, кроме Carpenters. Отличная группа, особенно если у вас болит голова. Но между музыкой какие-то люди произносят какие-то слова. Лучше бы они этого не делали. Я раньше думал, что радиодиджеи — достойные люди. Я думал, что есть в жизни вещи и похуже. Но я был неправ, нет ничего ужаснее этой банды вращателей компакт-дисков с радиостанции Magic-FM. В восемь утра в понедельник они уже начинают отсчитывать часы до пятничного вечера, который составляет смысл их жизни. В их мире мы все работаем на Круеллу де Виль из «Сто одного далматинца». И еще в нем все время идет дождь.

Даже если на дворе яркое солнце, а по новостям передают, что Джон Прескотт лопнул от злости, они обязательно найдут повод, чтобы поныть, как все гадко, а потом включат песенку тех же Carpenters под называнием *Yesterday Once More* всего в четырнадцатый раз с шести утра.

Смысла переключаться нет. Magic-FM рулится гражданами, которые спускаются по своей карьерной лестнице, но на других местных стан-

Мир по Кларксону

циях диджеи уверены, что они находятся на пути вверх. Поэтому они даже говорят так, как будто им кто-то в ноздри засунул электрическую зубную щетку.

Вдруг, думают они, телепродюсер включит радио, услышит, какой я кайфовый, и возьмет меня в ящик работать.

Вы правы, чуваки, только на телевидении вас сразу выключат, как только услышат, а на радио по каким-то сверхъестественным причинам — нет.

Велкам, но ахтунг! Австрийское гостеприимство

Небольшой совет. Хотя граница между Австрией и Швейцарией — это всего-навсего «лежащий полицейский» и на таможне ни души, лучше все-таки остановиться. Иначе вы увидите в зеркале заднего вида, как из темноты выступят вооруженные мужчины, зажгутся прожекторы и раздастся вой сирен.

Я как-то ехал со своими телевизионщиками из Сент-Морица в Инсбрук. Вдруг на границе появился некто в черном и рявкнул: *Achtung*. Я этот *Achtung* слышал разве что в кино, где после этого слова обычно раздавалась очередь из автомата. Группа моя не остановилась. Я встал. Мужчина, белый от ярости и злости, выхватил у меня паспорт и не отдавал его, пока я не объяснил во всех подробностях, кто мы такие и с какой стати осмелились вторгнуться в его владения.

Я часто думаю: вот если нас захватят в плен, смогу ли я выдержать пытки, чтобы спасти своих друзей? Насколько сильна моя воля? А сколько я продержусь?

Мне стыдно, но продержался я не больше трех секунд. Несмотря на то что у меня было еще два запасных паспорта, я побледнел и сдал пограничнику все явки и адреса моих несчастных коллег. Тем временем водителя уже повинтили и оттащили к тому знаку, который он пропустил. Всех общимиали и заявили, что видеокамеру из Швейцарии вывозить нельзя. У нас были явные проблемы. Мы подняли руки вверх, и знаете что? Пограничник даже бровью не повел. Вид четырех англичан, стоящих в центре Европы в 2001 году с поднятыми руками, не показался ему ни странным, ни неуместным.

Путешествуя, мы давно перестали ощущать границы. Ну разве что, въезжая в Бельгию из Франции, мы замечаем что дорога становится ухабистой. Французские таможенники всегда бастуют, а их бельгийские коллеги прячутся за горами чипсов с майонезными ледниками сверху.

В Австрии все по-другому. Тут границу стережет не увалень, считающий дни до пенсии. Это подтянутый боец-штурмовик в камуфляже, которому нет разницы, англичанин ты, турок или славянин. Муха не пролетит в Австро-Венгерскую империю.

Мою телегруппу, которая не простила мне малодушия и называла меня не иначе как «беспозвоночным», выдворили обратно в Швейцарию. А я? За мою трусость мне было позволено проехать до Инсбрука. Что порождало некоторые вопросы. Например, откуда пограничник знал, куда я еду? Мы об этом не упоминали, и тем не менее он знал. Все становилось страннее и страннее — буквально через десять минут меня остановили за превышение скорости, и полицейский обратился ко мне сразу по-английски. Несмотря на цюрихские номера.

Затем дорога завела меня в темный тоннель, я таких длинных никогда не видел. Но! Этот тоннель отсутствовал на картах. Интересно, что же такое творилось наверху, что нам нельзя было это видеть?

Когда я наконец добрался до отеля, где для меня был зарезервирован номер, странная женщина в длинном вечернем платье злобно сообщила, что мой номер уже сдан и что все отели в Инсбруке переполнены.

Паранойя моя зашкалила, когда выяснилось, что одного из тех бобслеистов, с которыми я должен был встретиться, вчера до смерти избили у дверей ночного клуба.

Кульминация состоялась в каком-то отельчике где-то у черта на рогах, которым заправлял человек по имени, скажем, Даунлодер. В Англии много хороших людей, сказал он с многозначительной улыбкой, по которой было понятно, что он имеет в виду британского серийного убийцу Гарольда Шипмана.

Что-то неладное творится в Австрии. Говорят, лидер Партии свободы ушел из большой политики, но что, если он вернется? Не надо забывать, что этот народ преуспел в искусстве постройки бомбоубежищ. Кстати, именно они убедили весь мир, что Адольф Гитлер был немцем. Многие уверены, что Хайдер вернется. В качестве канцлера. Вот беда-то.

Я пишу это, сидя в своем номере, и пытаюсь отправить заметку в *Sunday Times*, но сообщения почему-то упорно возвращаются. Может, Даунлодер на своем чердаке висит в Интернете, разглядывая порнушку со всякими садо-мазо? А может, следят за мной? Как следят за всеми журналистами.

Как-то боязно везти завтра этот текст через границу. Прямо хоть через мобильник сейчас отсытай. Чтобы мои слова достигли вас. Если вы их прочитаете, а я вдруг таинственно исчезну, ради Бога пришлите срочно помощь. Я нахож...

Белый дом уж больно маловат

Если вы любите греческий мрамор и черепки средневековых амфор для зерна, вам не следует ходить по американским музеям. Пока Европа занималась Крестовыми походами, американцы занимались охотой на бизонов.

Вздумалось мне тут поглядеть на Bell X-I — первый пилотируемый сверхзвуковой самолет. И что? Отправившись на прошлой неделе в Вашингтон в Смитсоновский институт, я обнаружил, что самолет весь обмотан пупырчатой пленкой и стоит в том углу музея, который давно закрыт на реконструкцию. Но это еще не все.

Если кто-то думает, что Америка так же богата разнообразием, как Европа, он глубоко не прав.

Вашингтон, округ Колумбия, — худший тому пример. Отцы-основатели что-то в этом роде подозревали и поэтому выделили его из всей остальной страны. Вашингтон, оказывается, не находится ни в одном из штатов. Здешние жители, жители столицы свободного мира даже не участвуют в выборах.

Зато, например, с Гаваной и Пекином его роднит потрясающее чувство городской помпезности. Деловой центр полон бессмысленных безликих зданий, построенных на гигантских открытых пространствах и охраняемых невыносимо блондинистыми секретными агентами в черных субурбахах. Бордюры здесь мраморные, а полицейские — сияющие.

Пройдя три квартала на юг от Капитолийского холма, вы попадете в странное место. Две трети тамошних жителей — вооруженные бандиты, оставшаяся треть словила пулю от первых двух. На запад — там доткомовская зона, полная идиотских компаний с непроизносимыми названиями и с не менее кретинскими посланиями миру. Bred.Sivoj. Kobili.com.

Вы смотрите на гигантские зеркальные фасады и думаете: что происходит за этими окнами? Политики никогда не смогут дать вам ответ, потому что сами живут в Джорджтауне, самом чистом и изолированном от реального мира районе столицы. Стерильном, словно подземный центр по созданию биологического оружия.

Здесь повсюду звучит свадебный канон Иоганна Пахельбеля. В холле гостиницы это было особенно мило, почти как дома. В лифте, в книжных лавках и в художественной галерее. В якобы настоящем вьетнамском ресторане он витал над свининой в белом вине. Послушайте, однажды в Сайгоне я оказался перед выбором. «Карп, хлюпающий жиром» или «цыпленок, порванный вдребезги». Я выбрал «жареных земляных слизней». Не знаю, что это было, но там точно не было ни карамели, ни белого вина.

Американцы вообще не очень хорошо разбираются во вьетнамских обычаях. Франция им явно ближе. Наутро мне подали «настоящий обильный французский завтрак»: глазунья, сосиски, бекон, картофельные котлетки и, конечно, круассан! Вот и славно.

Зато далеко не славной оказалась завтракающая братия. Политики, политические комментаторы, политические лоббисты. Поскольку они живут в своего рода коконе, им кажется, что они занимаются чем-то очень важным. Они считают, что есть лишь два типа людей: не черные и белые, не богатые и бедные, не американцы и другие, а демократы и республиканцы.

Ну и что в этом плохого, спросите вы меня.

Да ничего. Идея собрать всех политических деятелей в одном месте весьма неплоха, сразу понятно, куда не надо заходить, чтобы не насткнуться на эти рожи.

Когда британский министр-лейборист Питер Мендельсон не смог вспомнить, звонил ли он по поводу беспроцентной ссуды на домик в Ноттинг-Хилле, ему пришлось подать в отставку. Это преподнесли как важнейшее политическое событие. Или когда человек с огромными ушами, торчащими перпендикулярно голове, сообщает с экрана, что Тони Блэр должен перенести выборы, все пабы в стране обсуждают это неделю. Так то же в Лондоне! А вот в городе, который политики построили для политиков, все гораздо, гораздо хуже. Вы не можете построить небоскреб в Вашингтоне, округ Колумбия, потому что все дома должны быть ниже, чем Мемориал. Идея проста: нет ничего выше политики.

Похоже, чтобы донести до них мысль о том, что мир — это сплошной страх и ужас, надо написать об этом метровыми буквами красной краской на Белом доме.

Кстати, когда я до него добрался, удивлению моему не было предела: я, даже я живу в доме гораздо большем, чем президент Америки. Честно! Да и вы, уверен, тоже. Он реально, до изумления мал.

У забора уже снимали свои синхроны телевизионщики со всего мира, втихивая своей пастве бессмысленную информацию, которую

Белый дом уж больно маловат

они собрали вчера, сидя за тарелкой эфиопской пасты. Нет бы рассказать людям что-нибудь действительно интересное, например, что хибарка у президента США дюже маловата или что в Смитсоновском институте экспозиция с Bell X-I закрыта.

Полет вокруг света, только мест в первом классе нету

Согласно последним страшилкам, у людей, которые летят до Новой Зеландии, а это 27 часов, всего два варианта выбора. Они умирают или от тромбоза глубоких вен, или от рака, который вызывает радиация в верхних слоях атмосферы, пройдя сквозь тонкую алюминиевую кожу самолета.

Я сел на самолет в Хитроу и тут же понял, что сижу в одном отсеке с парой десятков пенсионеров, которые путешествуют по миру по дисkontной программе Saga. Половина из них была уже в том состоянии, когда в туалет надо каждые пятнадцать минут, половина — когда люди уже не заботятся о походах в туалет.

Место рядом со мной было свободно, и я взмолился: лишь бы не пришла та самая девушка с ребенком, которую я видел в посадочном зале. Нет ничего хуже, чем сидеть рядом с девушкой с ребенком на долгих рейсах. Короче, девушка с ребенком села как раз ко мне.

Я струсил и сделал себе апгрейд до первого класса. Сбежал вперед и уселся читать книжку. Внушительное количество страниц и интригующее название «Арктическая станция» вроде бы обещали превратить долгий и тяжелый перелет в приятнейшее времяпрепровождение.

К сожалению, это была самая поганая книжка из всех, которые мне доводилось брать в руки. Когда штатовский морпех голыми руками положил дивизию французов, я решил посмотреть кино. Изучив список фильмов, понял, что смотрел их все в оригинальном формате, и с проклятьями задумался.

Я не мог даже поболтать со стюардессами, потому что они всегдадумают, что вы не просто так болтаете, а клейтесь к ним. Именно по этой же причине не стоит говорить и со стюардами.

Надо было выпить. Но чего? Мои биологические часы говорили, что пора пить чай. Но так как я уже переставил стрелки на наручных, то выходило, что пора пить вино. Но я не мог пить вино, потому что тогда бы я захотел закурить. А курить в самолетах запрещено. Хотя младенцам орать почему-то нет. А что хуже?

Можно смотреть в окно. Я взглянул сверху на наш перенаселенный мир. Но его не было. Внизу не было ни людей, ни городов — все долгие часы полета. Не было и признаков пресловутого глобального потепления, шесть часов под нами были сплошные льды. Поэтому я опять стал читать книгу, пока бравый американец не вырезал весь британский спецназ. Тут объявили посадку в Лос-Анджелесе.

Время перекурить. Но так как это Калифорния, то надо выйти наружу, чтобы закурить, а для этого нужно пройти таможню, — а для этого надо отстоять очередь за пенсионной командой из Saga-тура. А они явно не смогут правильно заполнить свои бланки даже со второго раза. Яостоял час в очереди на паспортный контроль, потому что пограничники были в дурном настроении — мы мешали им перекусывать. На том мое время кончилось и пришлось идти обратно. В отличие от всего остального мира самолеты в США взлетают, имея весь ваш багаж на борту.

С тяжелым сердцем и не менее тяжелыми легкими я пошел на борт Boieng 747 для еще более длительного перелета и обнаружил, что места в первом классе у меня больше нет. Правда, девушка с младенцем исчезла, зато появилась пляжная блондинка. С мускулистой мужеподобной подружкой. Они держались за руки весь взлет, но я не придал этому никакого значения. И только когда они приступили к более пристальному мануальному изучению друг друга, я сообразил, в чем дело.

Да, я тысячу раз слышал, что человек от рождения гомосексуален. Но мне противно, когда в двух шагах от меня какие-то силиконовые куклы устраивают оральный хоккей. Вояка в книжке тем временем уложил корпус морской пехоты, имея в арсенале лишь веревочную лестницу.

Над островами Фиджи сладкая парочка угомонилась и уснула, я тоже. Проснулся через час, когда никотиновый пластырь вырвал несколько волос у меня из подмышки. Через двенадцать часов мы приземлились, у меня было сорок минут, чтобы пересесть на самолет до Веллингтона. При этом переход из одного терминала в другой должен был занять в два раза больше времени плюс таможня. Это если повезет. Но не повезло. При виде меня таможенник тут же надел резиновые перчатки. Мне стало дурно. Никому не понравится обыск в интимных частях тела после 27-часового полета. Впрочем, и после 27-минутного полета тоже. Но он всего лишь хотел осмотреть мой багаж. В итоге на самолет я успел за минуту до взлета.

На борту я получил еще один завтрак и домучил книжку. Проведя полтора суток в Веллингтоне, я поеду домой. Если вы называете это динамичным образом жизни — так чтоб вам самим так жить.

Они пытаются замедлить пульс реальной жизни

На все лады обсуждая железнодорожную катастрофу, газеты задыхались от бессильной ярости. Они старались изо всех сил найти виноватого. В чем? Рельсы были в порядке. Машинист был трезвый. Водитель лендровера не уснул за рулем, и даже шлагбаум был закрыт. Чистой воды несчастный случай.

Но такого понятия, как несчастный случай, в наши дни не существует. Если вы споткнулись о бордюр или съели тухлое мясо, в этом должен быть кто-то виноват. Кто-то должен заплатить.

Осень выдалась очень дождливой, значит, реки непременно выйдут из берегов. Но это уже давно не промысел божий. В этом кто-то виноват.

Умереть просто так — и то нельзя. Вот давеча в возрасте семидесяти одного года сыграл в ящик Джордж Карман, глава нашего ЦИКА, нет чтобы тихо похоронить человека, стали искать рак. А потом стали утверждать, что вот если бы он всю жизнь ел сыр и брокколи, то протянул бы дольше. А по мне 71 — прекрасная цифра.

Теперь смотрите. Человеческое существо, особенно мужская особь, запрограммировано на то, чтобы брать на себя риск. Если бы наши предки не вышли из пещер, а сидели в них денно и нощно, вряд ли мы стали теми, кем стали.

Да, мы немного более цивилизованные — у нас есть микроволновка и самолет, но в душе мы все те же пещерные люди. Мы все еще разгоняем адреналин, повышаем эндорфин и бьемся за допамин. И единственный способ получить весь этот букет сразу — рисковать.

Убеждать людей, что скорость убивает и что надо затормозить, — все равно что бороться с законом тяготения. Мы торопимся не потому, что спешим, мы себя постоянно подстегиваем потому, что только так чувствуем себя живыми.

Питер Марш из оксфордского Центра социальных исследований утверждает, что увеличение количества прыгающих с тарзанки, парашютистов и прочих экстремалов происходит тогда, когда жизнь становится слишком пресной и безопасной.